

РОН РЭШ

СЕРЕНА

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
P96

Ron Rash
SERENA
Copyright © Ron Rash, 2008
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения
Elyse Cheney Literary Associates LLC и *The Van Lear Agency*

Перевод с английского Анатолия Ковжуна
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Рэш Р.

P96 Серена : роман / Рон Рэш ; пер. с англ. А. Ковжуна. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 576 с. — (Песни Юга).

ISBN 978-5-389-26579-0

Когда молодой лесопромышленник Пембертон привозит жену в свой лагерь посреди хребтов Аппалачей, его ждет неприятный сюрприз: отец прежней возлюбленной, простой кухарки, беременной ребенком хозяина, планирует убить подлого соблазнителя на глазах у дочери. Но судьба распорядится иначе, и жизни нескольких людей сплетаются в тугой клубок на фоне Великой депрессии 1930-х. Здесь сходятся воедино алчность и честь, любовь и жестокость, воля и слабость... Пембертоны готовы уничтожить всех, кто мешает им подняться к вершинам власти, — но выдержит ли их союз бремя греха?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© А. Б. Ковжун, перевод, 2024
© Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-26579-0

Глава 1

Когда Пембертон вернулся в горы Северной Каролины, проведя три месяца в Бостоне за оформлением бумаг на отцовское наследство, среди встречающих на платформе присутствовала девушка, беременная его ребенком. Девицу сопровождал ее отец-фермер, который прятал под полой потертого плаща длинный бойцовский нож, с великой тщательностью заоченный этим утром ради единственной цели: как можно глубже всадить лезвие в сердце Пембертону.

Кондуктор выкрикнул: «Уэйнвилл!», и поезд замер, дернувшись напоследок. Выглянув в окно, Пембертон увидел на платформе своих деловых партнеров; готовясь к первой встрече с его супругой, оба нарядились в лучшие костюмы. Свадьба состоялась всего два дня тому назад: нежданная награда за месяцы пребывания в Бостоне. Бьюкенен, как и подобает денди, подкрасил усы и умастил волосы помадой. Его начищенные туфли блестели, а накрашенная сорочка из белого хлопка была прилежно выглажена. Уилки, по обыкновению, был в серой фетровой шляпе — он носил ее в надежде уберечь от солнечных лучей оголившуюся макушку. На цепочке часов старшего из двоих мужчин поблескивал ключ

принстонского отделения «Фи-Бета-Каппа»¹, а из нагрудного кармана торчал уголок синего шелкового платка.

Откинув золотую крышку собственных часов, Пембертон обнаружил, что поезд подошел к перрону точно по расписанию, минута в минуту. Лесопромышленник повернулся к своей новоиспеченной жене. Та дремала; прошлой ночью сны Серены были особенно тревожны. Дважды за ночь Пембертона будили ее рыдания, и только в надежных объятиях мужа Серене вновь удавалось уснуть. Теперь же она проснулась от легкого поцелуя в губы.

— Не лучшее местечко, чтобы провести медовый месяц?

— Оно вполне нам подходит, — возразила Серена, принякая к плечу супруга. — Главное, что мы здесь вместе.

Вдохнув бойкий аромат талька «Тре жур», Пембертон вспомнил, как на рассвете сумел ощутить его не менее яркий вкус, проводя губами по коже молодой жены. По проходу вагона стремительно прошествовал носильщик, насвистывая незнакомую мелодию; взгляд Пембертона вновь обратился за стекло.

Хармон с дочерью дожидались прибытия поезда у билетной кассы; фермер небрежно прислонился к стене из каштановых досок. Пембертону вдруг

---

¹ Старейшее студенческое сообщество (братство) в США, основанное в 1776 г. Греческая аббревиатура означает: «Любовь к мудрости — руководство жизни». — *Здесь и далее примеч. пер.*

подумалось, что мужчины в здешних горах редко стоят прямо. Вместо этого они по возможности опираются на какое-нибудь дерево или забор, а если таковых рядом нет, то садятся на корточки. В руке Хармон держал пинтовую банку, содержимое в которой едва покрывало дно. Его дочь подчеркнуто прямо сидела на скамейке, словно выставляя напоказ свое положение. Пембертон никак не мог припомнить имени девушки, но при виде отца с дочерью не удивился, как и не был изумлен ее беременностью. Девушка носила именно его ребенка, о чем Пембертон узнал накануне их с Сереной отъезда из Бостона. «Сюда прибыл Эйб Хармон, — предупредил Бьюкенен по телефону. — Говорит, у него к тебе важное дело, что-то насчет дочери. Может, просто чушь несет по пьяни, но мне подумалось, что тебе стоит знать».

— Среди встречающих будет и кое-кто из местных, — заметил Пембертон невесте.

— О чем нас любезно уведомили заранее, — кивнула Серена.

Она на мгновение задержала правую ладонь на его запястье, и Пембертон кожей ощутил твердые бугорки у основания ее пальцев и холодок простого золотого кольца, заменившего Серене обручальное колечко с бриллиантом. В точности такое же, не считая диаметра, украшало и руку самого Пембертона. Поднявшись, он потянул на себя ручки заброшенного на багажную полку саквояжа. Поклажу он вручил

носильщику; тот на шаг отступил, пропуская вперед пассажира, который повел жену по проходу и ступеням вагона к платформе. Между сталью ступенек и деревом настила оставался зазор в добрых два фута, однако, спрыгивая на доски, Серена не искала опоры в мужниной руке.

Бьюкенен первым поймал взгляд Пембертона и многозначительно повел бровью в сторону Хармона с дочерью, после чего в формальном поклоне учтиво склонил голову перед Сереной. Уилки сорвал с лысины фетровую шляпу. Ростом Серена превосходила обоих мужчин, но Пембертон догадывался, что очевидному удивлению Бьюкенена и Уилки способствовали и другие детали ее внешности: вместо платья и шляпки клош на его спутнице были бриджи и ботинки; бронзовый загар не выдавал принадлежности к определенному социальному кругу; ни мазка румян или помады, а коротко подстриженные волосы, светлые и густые, сообщали лицу строгость, пусть и не противоречащую женственности.

Подойдя к старшему из мужчин, Серена протянула ему руку. Хотя Уилки в свои семьдесят с лишним лет был как минимум вдвое ее старше, он уставился на Серену с видом восхищенного школьника и прижал к груди шляпу, словно в тщетной попытке защитить уже сраженное сердце.

— Уилки, полагаю?

— Да-да, это я, — запинаясь, подтвердил тот.

— Серена Пембертон, — представилась она, все еще протягивая руку.

Уилки еще немного повозился со шляпой, прежде чем высвободить правую ладонь и пожать руку Серене.

— А вы Бьюкенен, — определила Серена, обращаясь ко второму партнеру мужа. — Правильно?

— Да.

Бьюкенен принял протянутую руку и неловко накрыл своей.

Серена улыбнулась:

— Разве вас не учили рукопожатию при знакомстве, мистер Бьюкенен?

Весело шурясь, Пембертон наблюдал за тем, как Бьюкенен исправил ошибку, чтобы тут же убрать руку за спину. За год работы в местных горах Бостонской лесозаготовительной компании жена самого Бьюкенена приезжала сюда всего однажды, в розовом платье из тафты, которое основательно выпачкалось еще до того, как она успела пересечь единственную улицу Уэйнсвилла и войти в дом мужа. Она провела здесь единственную ночь и уехала первым же утренним поездом. Теперь Бьюкенен и его жена проводили вместе одни выходные в месяц, встречаясь в Ричмонде; выезжать еще дальше на юг миссис Бьюкенен отказывалась наотрез. Жена Уилки вообще не покидала Бостон.

Меж тем партнеры Пембертона, казалось, утратили всякую способность говорить членораздельно.

Взгляды обоих обратились на джодпуры¹, на бежевую рубашку Серены и ее черные ботинки. Безупречное произношение и прямая осанка подтверждали, что миссис Пембертон, как и их жены, получила образование в Новой Англии. Впрочем, родилась Серена в Колорадо, где и росла до шестнадцати лет. Отец-лесопромышленник научил дочь лихо скакать на коне, метко стрелять и прямо смотреть мужчинам в глаза, крепко пожимая им руку. На восток девушка перебралась только после смерти родителей.

Носильщик выставил саквояж на платформу и направился к багажному вагону, где находились прибывшие из Саратоги пожитки Серены и гораздо более скромный багаж Пембертона.

— Надо думать, Кэмпбелл уже доставил арабского мерина в лагерь? — поинтересовался Пембертон.

— Да, — ответил Бьюкенен, — хотя эта коняга чуть не прикончила мальчишку Вона. Твой мерин не только высок, но и крайне боек. Как говорится, с норовом.

— Что новенького в лагере? — спросил Пембертон.

— Без серьезных проблем, — покачал головой Бьюкенен. — Кто-то из рабочих наткнулся на следы рыси в лощине Лорел и решил, что там бродит

---

¹ Брюки галифе для верховой езды, часто с накладками, защищающими бедра наездника.

горный лев. Уже несколько бригад отказались туда возвращаться, пока Гэллоуэй не сходит проверить.

— Горные львы? — оживилась Серена. — И часто они тут встречаются?

— Вовсе нет, миссис Пембертон, — поспешил обнадежить Уилки. — Рад сообщить, что последнего в этом штате застрелили в двадцатом году.

— Хотя местные жители упорно верят, будто один точно остался, — добавил Бьюкенен. — Всем здешним рабочим известны легенды о нем: не только о его огромных размерах, но и об окрасе, который меняется от рыжеватого до черного. Как по мне, эти сказки хороши, пока остаются сказками, но ваш супруг считает иначе. Он надеется, что чудище вполне реально, и мечтает на него поохотиться.

— До бракосочетания так и было, — внес уточнение Уилки. — Но теперь, раз уж Пембертон стал женатым человеком, я убежден, что он остепенится и откажется от охоты на мифических пум в пользу менее опасных развлечений.

— Надеюсь, мой муж не прекратит преследовать свою пуму, — возразила Серена, развернувшись так, чтобы обращаться не только к Пембертону, но и к его партнерам. — Он разочаровал бы меня, отказавшись от охоты. Пембертон из тех, кто не боится трудностей, потому я и вышла за него замуж... — Выдерживая короткую паузу, Серена улыбалась. — ...А он женился на мне.

Носильщик выставил на платформу второй дорожный чемодан, и Пембертон распрощался с парнем, выдав ему четвертак. Серена же оглянулась на отца и дочь, которые теперь вместе сидели на скамейке, настороженные и молчаливые, точно актеры, выжидающие верный момент для своих реплик.

— Мы не знакомы, — заметила Серена.

Девушка продолжала угрюмо разглядывать ее, а первые, не совсем внятные слова были произнесены отцом:

— К тебе у меня нету дел. Я пришел потолковать с тем, кто стоит рядом.

— Его дела — мои дела, — отрезала Серена. — И наоборот.

Хармон кивнул на живот своей дочери, затем снова повернулся к Серене:

— Только не это дельце. Его провернули еще до твоего приезда.

— Вы намекаете, что она носит ребенка моего мужа?

— Я ни на что не намекаю, а говорю как есть, — сдвинул брови Хармон.

— Значит, вам крупно повезло, — поздравила его Серена. — О лучшем кобеле для случки нельзя и мечтать, на что указывает хотя бы размер живота. — После чего она перевела взгляд на дочь, чтобы обратиться к ней напрямую: — Только на этом везение кончается. Отныне место занято. Остальных его детей я выношу сама.

Фермер рывком выпрямил спину, и Пембертон успел заметить блеснувшую перламутром рукоять ножа, прежде чем та скрылась под полой плаща. Его удивило, что тип вроде Хармона мог обладать таким прекрасным оружием. Вероятно, случайный выигрыш в покер или семейная реликвия, доставшаяся от более обеспеченного предка. За стеклом кассового окошка мелькнуло лицо начальника станции — задержалось на мгновение и пропало. От стены расположенного рядом хлева для передержки крупной скотины за происходящим бесстрастно наблюдала группа крепких ребят, уроженцев местных гор; все как один служили в Бостонской лесозаготовительной.

Среди них был и управляющий по фамилии Кэмпбелл, в чьи многочисленные обязанности входило служить связующим звеном между работниками и владельцами. В лагере Кэмпбелл всегда носил серые хлопковые рубашки и холщовые брюки, но сегодня был облачен в комбинезон, подобно остальным трудягам. Нынче воскресенье, сообразил вдруг Пембертон и на миг ощутил беспокойство: он не мог припомнить, когда в последний раз смотрел на календарь. В Бостоне, рядом с Сереной, время представлялось ему сжатым в тисках смазанных циферблатов и стрелок: летящие часы и минуты не могли вырваться на свободу, составив дни. Так или иначе, миновали уже и дни, и месяцы, что подтверждал вздувшийся живот девицы Хармон.

Большие, пестрые от веснушек руки Хармона вцепились в край скамьи, и он слегка подался вперед, не отводя от Пембертона пристального взгляда голубых глаз.

— Вернемся домой, папа, — шепнула фермерская дочка, накрывая отцовскую ладонь своей.

Тот отмахнулся, словно от назойливой мухи, и слегка качнулся, поднимаясь на ноги.

— Черт бы драл вас обоих, — выдохнул Хармон, делая шаг к Пембертонам.

Распахнув плащ, он выхватил нож из кожаного чехла. На лезвие попали лучи полуденного солнца, и на краткий миг показалось, что Хармон держит в руке сверкающее пламя. Пембертон обратил взгляд к девушке, чьи пальцы обхватили живот, будто храня еще не рожденное дитя от стремительного развития этой ссоры.

— Отведи своего отца домой, — посоветовал ей Пембертон.

— Папа, прошу тебя... — взмолилась дочь.

— Позовите шерифа Макдауэлла! — крикнул Бьюкенен рабочим, которые следили за происходящим из-под стены хлева.

Бригадир Снайпс внял призыву и быстрым шагом удалился — но не к зданию суда, а в направлении пансиона, где проживал шериф. Остальные рабочие не тронулись с места. Бьюкенен шагнул было вперед, чтобы встать меж двумя противниками, но

одним взмахом длинного ножа Хармон заставил его отступить.

— Разберемся здесь и сейчас, — прохрипел Хармон.

— Он прав, — кивнула Серена. — Доставай нож и немедленно уладь это недоразумение, Пембертон.

Хармон вразвалочку двинулся вперед, неторопливо сокращая расстояние между ними.

— Делай, что велено, — процедил он, приближаясь к обидчику еще на один нетвердый шаг. — Кого-то из нас точно потащат отсюда ногами вперед, слышишь?

Пембертон нагнулся, расстегнул саквояж телячьей кожи и отыскал среди содержимого подарок, врученный ему Сереной ко дню свадьбы. Вытянув из ножен охотничий нож, Пембертон понадежнее перехватил в ладони рукоять из лосиной кости; сжимать ее шероховатую поверхность было истинным удовольствием. На мгновение Пембертон позволил себе вновь поразиться тому, до чего искусно изготовлено оружие: баланс и прочность ножа, его лезвие, упор и рукоять были идеально выверены — совсем как у тех эспадронов, какими он фехтовал в Гарварде. Сняв куртку, Пембертон обернул ею запястье.

Хармон вновь шагнул вперед; теперь соперников разделяло менее ярда. Фермер держал нож высоко поднятым, задрав острие клинка к небу, что подсказало Пембертону: у его противника, будь он пьян или трезв, маловато практики в подобных сражениях.

Дернувшись вперед, Хармон полоснул ножом воздух между ними: пожелтевшие от табака зубы стиснуты; жилы на шее вздулись, как туго натянутые тросы. Пембертон держал оружие внизу и чуть в стороне. Свистящее дыхание Хармона разило самогоном — резкий масляный запах, чем-то схожий с вонью креозота.

Хармон сделал выпад, и Пембертон вскинул левую руку. Нож пьяницы прорезал воздух, но дуга удара прервалась, встретившись с предплечьем обидчика. Хармон дернул нож вниз, и лезвие полоснуло по руке противника. Лишь тогда Пембертон подступил к фермеру вплотную, направив лезвие охотничьего ножа ему под плащ, и сквозь ткань рубахи погрузил сталь в мягкую плоть над левым бедром старика. Свободной рукой Пембертон ухватил фермера за плечо и одним быстрым поперечным движением избразил тонкую улыбку у него на животе. Пуговица из кедрового дерева отскочила от несвежей белой рубахи, ударилась о доски платформы, покрутилась немного и замерла. С негромким хлопаньем Пембертон высвободил клинок; еще несколько мгновений крови совсем не было видно.

Нож Хармона глухо стукнул о доски платформы. Словно надеясь отменить шаги, приведшие к такому трагическому исходу, фермер зажал живот обеими руками и медленно отступил назад, чтобы вновь опуститься на скамью. Оторвав ладони от раны, оценил ущерб: рыхлые серые канаты кишок немедленно

вывалились ему на колени. Словно в поиске печати на вынесенном ему приговоре, Хармон застыл, изучая внутреннее устройство своего тела. Наконец, подняв голову, он упер затылок в стену станционного здания. Пембертон отвел взгляд только после того, как голубые глаза Хармона стали тускнеть.

Серена встала рядом с мужем.

— Ты ранен, — заметила она.

Пембертон опустил взгляд и обнаружил, что рукав поплиновой сорочки рассечен чуть ниже локтя; синяя ткань успела потемнеть от крови. Расстегнув серебряную запонку, Серена закатала рукав и осмотрела порез на предплечье.

— Швы накладывать не придется, — решила она. — Обойдемся йодом и повязкой.

Пембертон согласно кивнул. Адреналин бурлил в его венах, и когда рядом возникло обеспокоенное лицо Бьюкенена, знакомые черты партнера — аккуратные черные усики между заостренным узким носом и маленьким ртом, а также круглые, вечно удивленные бледно-зеленые глаза — показались ему одновременно и четкими, и далекими. Пембертон стал дышать размеренно и глубоко, желая прийти в себя, прежде чем начать говорить.

Подняв упавший бойцовский нож, Серена направилась к дочери Хармона; та склонилась над отцом, баюкая в ладонях его безжизненное лицо, словно оно еще было в состоянии что-то чувствовать. По щекам девушки катились слезы, но она не издавала ни звука.

— Вот, возьми, — заговорила Серена, держа нож за лезвие. — Хотя, по правилам, это честно добытый трофей, который принадлежит моему мужу. Прекрасный нож. При желании можно выручить хорошие деньги. Сама я так и поступила бы, — добавила она, помолчав. — В смысле, продала бы его. Деньги придутся кстати, когда родится ребенок, но не жди от нас с мужем другой помощи. Больше ты ничего не получишь.

Дочь Хармона сверлила ее прямым взглядом, но не подняла руки, чтобы взять нож. Положив оружие на скамейку, Серена спокойно вернулась, чтобы встать рядом с Пембертоном. За исключением Кэмпбелла, направившегося к платформе, мужчины у стены хлеба не двигались. Пембертон был рад их присутствию: хоть какая-то польза от случившегося. Рабочие хорошо знали, что физической силой начальник не уступит любому из них; это стало ясно прошлой весной, когда они вместе укладывали железнодорожные пути. Теперь же, увидев его в деле собственными глазами, лесорубы поймут, что он способен на убийство; с тем большим уважением они начнут относиться и к нему самому, и к Серене. Повернув голову, Пембертон встретился взглядом с серыми глазами жены.

— Поехали в лагерь, — предложил он.

Положив ладонь на локоть Серены, он развернул жену в сторону ступенек, по которым на платформу только что поднялся Кэмпбелл. Длинное угловатое лицо управляющего, по обыкновению, хранило

загадочное бесстрашие, и он чуть изменил направление своего пути, обходя Пембертонов, — но проделал это столь непринужденно, что сторонний наблюдатель никогда не усомнился бы в естественности этого жеста.

Пембертон и Серена сошли с платформы и двинулись по дорожке туда, где их уже ждали Уилки и Бьюкенен. Угольная крошка хрустела у молодых под ногами, вздымая тонкие серые струйки золы, похожие на дымок от погасшей спички. Бросив взгляд назад, Пембертон увидел, что Кэмпбелл склонился над дочерью Хармона и что-то говорит ей, положив руку на плечо. Шериф Макдауэлл в воскресном костюме тоже стоял рядом со скамейкой. Вдвоем с Кэмпбеллом они помогли беременной подняться и повели ее в здание станции.

— Мой «паккард» здесь? — спросил Пембертон.

Бьюкенен кивнул, и Пембертон повысил голос, обращаясь к носильщику, все еще стоявшему на платформе:

— Отнесите мой саквояж на заднее сиденье машины. Дорожный чемодан, что поменьше, привяжите к стойке. Большой можно будет подвезти поездом.

— Тебе не кажется, что стоит сперва поговорить с шерифом? — осторожно осведомился Бьюкенен, передавая Пембертону ключ от «паккарда».

— Зачем мне объясняться с этим сукиным сыном? — фыркнул Пембертон. — Все отлично видели, что там произошло.

Они с Сереной уже устраивались на сиденьях «паккарда», когда сзади к машине бодрым шагом подошел Макдауэлл, и Пембертон увидел, что, несмотря на воскресный наряд, тот при кобуре. Возраст шерифа, как и многих других горных жителей, трудно было определить на глазок. Пембертон предполагал, что ему под пятьдесят, хотя черные как смоль волосы и подтянутое тело подошли бы и более молодому мужчине.

— Едем в мой офис, — объявил Макдауэлл.

— Зачем? — спросил Пембертон. — Я действовал в целях самообороны, что готова подтвердить хоть дюжина человек.

— Я обвиняю вас в нарушении общественного порядка. Штраф десять долларов или неделя в тюремной камере.

Пембертон вынул бумажник и протянул Макдауэллу две пятерки.

— И все равно прокатимся в мой офис, — упрямо повторил Макдауэлл. — Вы не покинете Уэйнсвилл, пока не представите свою версию случившегося в письменном виде.

Их разделяло не более ярда, и ни один не хотел отступить. Чуть подумав, Пембертон пришел к выводу, что драка едва ли окажется полезна.

— Вам и от меня потребуется письменное заявление? — осведомилась Серена.

Макдауэлл воззрился на нее так, будто до сих пор не замечал вовсе.

— Нет.

— Я бы предложила свою помощь, шериф, — пояснила Серена, — но, судя по рассказам моего мужа, вы, вероятно, не захотите принять ее.

— Тут он прав, — отрезал Макдауэлл.

— Тогда я дождусь тебя в машине, — сказала Серена супругу.

По возвращении Пембертон снова уселся на водительское место «паккарда» и повернул ключ зажигания. Наступил на педаль стартера, дернул ручной тормоз, и они пустились в шестимильный путь к лагерю. За окраиной Уэйнсвилла Пембертон снизил скорость, едва они подъехали к пятиакровому пруду у лесопилки; поверхность воды скрывали бревна, увязанные на манер хвороста. Затормозив, Пембертон все же не стал выключать двигатель.

— Это Уилки потребовал расположить лесопилку поближе к городу, — пояснил он. — Не мой выбор, но в итоге все сложилось удачно.

Они смотрели вверх застывшей в пруду флотилии бревен, которая дожидалась рассвета, когда вязанки будут разобраны, погружены на тележки и распилены. Серена окинула беглым взглядом территорию лесопилки, включавшую небольшое строение с двускатной крышей, в котором Уилки и Бьюкенен устроили себе контору. Пембертон указал ей на огромное дерево, возвышавшееся над лесочком позади конторы. Кору покрывали бесформенные

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

РОН РЭШ
СЕРЕНА

Руководитель проекта Антонина Галь
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспага кол койылды 09.09.2024.
Формат издания 84 × 108 1/2. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 27,36. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндүрүм: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШК —
ИНОСТРАНКА® тауар белгисинэ неси,
115093, Москва, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-
Аттикус“» ЖШК филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басыл шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-SNS-35569-01-R